

Владимир Маяковский

Поэма “Про это”

ПРО ЧТО - ПРО ЭТО?

В этой теме,

и личной

и мелкой,

перепетой не раз

и не пять,

я кружил поэтической белкой

и хочу кружиться опять.

Эта тема

сейчас

и молитвой у Будды

и у негра вострит на хозяев нож.

Если Марс,

и на нем хоть один сердцелюдый,

то и он

сейчас

скрипит

про то ж.

Эта тема придет,

калеку за локти

подтолкнет к бумаге,

прикажет:

- Скреби! -

И калека

с бумаги

срывается в клетоте,

горько строчками в солнце песня рябит.

Эта тема придет,

позвонится с кухни,

повернется,

сгинет шапчонкой гриба,

и гигант

постоит секунду

и рухнет,

под записочной рябью себя погребя.

Эта тема придет,

прикажет:

- Истина! -

Эта тема придет,

велит:

- Красота! -

И пускай

перекладиной кисти раскистены -

только вальс под нос мурлычешь с креста.

Эта тема азбуку тронет разбегом -

уж на что б, казалось, книга ясна! -

и становится

- А -

недоступней Казбека.

Замутит,

оттянет от хлеба и сна.

Эта тема придет,

вовек не изнашивается,

только скажет:

- Отныне гляди на меня! -

И глядишь на нее,

и идешь знаменосцем,

красношелкий огонь над землей знамени.

Это хитрая тема!

Нырнет под события,
в тайниках инстинктов готовясь к прыжку,
и как будто ярясь

- посмели забыть ее! -

затрясет;

посыпятся души из шкур.

Эта тема ко мне заявила гневная,

приказала:

- Подать

дней удила! -

Посмотрела, скривясь, в мое ежедневное
и грозой раскидала людей и дела.

Эта тема пришла,

остальные оттерла

и одна

безраздельно стала близка.

Эта тема ножом подступила к горлу.

Молотобоец!

От сердца к вискам.

Эта тема день истемнила, в темень
колотись - велела - строчками лбов.

Имя

этой

теме:

.....!

*

*

I

БАЛЛАДА РЕДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ

Стоял - вспоминаю.

Был этот блеск.

И это

тогда

называлось Невою.

Маяковский, “Человек”.

(13 лет работы, т. 2, стр. 77)

О балладе и о балладах

Немолод очень лад баллад,
но если слова болят
и слова говорят про то, что болят,
молодеет и лад баллад.

Лубянский проезд.

Водопьяный.

Вид

вот.

Вот

фон.

В постели она.

Она лежит.

Он.

На столе телефон.

“Он” и “она” баллада моя.

Не страшно нов я.

Страшно то,

что “он” - это я,

и то, что “она” -

моя.

При чем тюрьма?

Рождество.

Кутерьма.

Без решеток окошки домика!

Это вас не касается.

Говорю - тюрьма.

Стол.

На столе соломинка.

По кабелю пущен номер

Тронул еле - волдырь на теле.

Трубку из рук вон.

Из фабричной марки -

две стрелки яркие

омолниили телефон.

Соседняя комната.

Из соседней

сонно:

- Когда это?

Откуда это живой поросенок? -

Звонок от ожогов уже визжит,

добела раскален аппарат.

Больна она!

Она лежит!

Беги!

Скорей!

Пора!

Мясом дымясь, сжимаю жжение.

Моментально молния телом забегала.

Стиснул миллион вольт напряжения.

Ткнулся губой в телефонное пекло.

Дыры

сверля

в доме,

ВЗМЫВ

Мясницкую

пашней,

рвя

кабель,

номер

пулей

летел

барышне.

Смотрел осовело барышнин глаз -

под праздник работай за двух.

Красная лампа опять зажглась.

Позвонила!

Огонь потух.

И вдруг

как по лампам пошло куролесить,

вся сеть телефонная рвется на нити.

- 67-10!

Соедините! -

В проулок!

Скорей!

Водопьяному в тишь!

Ух!

А то с электричеством станется -

под рождество

на воздух взлетишь

со всей

со своей

телефонной

станцией.

Жил на Мясницкой один старожил.

Сто лет после этого жил -

про это лишь -

сто лет! -

говаривал детям дед.

- Было - суббота...

под воскресенье...

Окорочок...

Хочу, чтоб дешево...

Как вдарит кто-то!..

Землетрясение...

Ноге горячо...

Ходун - подошва!.. -

Не верилось детям,

чтоб так-то

да там-то.

Землетрясение?

Зимой?

У почтамта?!

Телефон бросается на всех

Протиснувшись чудом сквозь тоненький

шнур,

раструба трубки разинув оправу,

погромом звонков грома тишину,

разверг телефон дребезжащую лаву.

Это визжащее,

звнящее это

пальнуло в стены,

старалось взорвать их.

Звоночки

тыщей

от стен

рикошетом

под стулья закатывались

и под кровати.

Об пол с потолка звоночище хлопал.

И снова,

звонящий мячище точно,

взлетал к потолку, ударившись об пол,

и сыпало вниз дребезгою звоночной.

Стекло за стеклом,

вьюшку за вьюшкой

тянуло

звенеть телефонному в тон.

Тряся

ручоночкой

дом-погремушку,

тонул в разливе звонков телефон.

Секундантша

От сна

чуть видно -

точка глаз

иголит щеки жаркие.

Ленясь, кухарка поднялась,

идет,

кряхтя и харкая.

Моченым яблоком она.

Морщият мысли лоб ее.

- Кого?

Владим Владимыч?!

А! -

Пошла, туфлю шлепая.

Идет.

Отмеряет шаги секундантом.

Шаги отдаляются...

Слышатся еле...

Весь мир остальной отодвинут куда-то,

лишь трубкой в меня неизвестное целит

Просветление мира

Застыли докладчики всех заседаний,

не могут закончить начатый жест.

Как были,

рот разинув,

сюда они

смотрят на рождество из рождеств.

Им видима жизнь

от дрязг и до дрязг.

Дом их -

единая будняя тина.

Будто в себя,

в меня смотрясь,

ждали

смертельной любви поединок.

Окаменели сиренные рокоты.

Колес и шагов суматоха не вертит.

Лишь поле дуэли

да время-доктор

с бескрайним бинтом исцеляющей смерти.

Москва -

за Москвой поля примолкли.

Моря -

за морями горы стройны.

Вселенная

вся

как будто в бинокле,
в огромном бинокле (с другой стороны).

Горизонт распрямился

ровно-ровно.

Тесьма.

Натянут бечевкой тугой.

Край один -

я в моей комнате,
ты в своей комнате - край другой.

А между -

такая,
какая не снится,
какая-то гордая белой обновой,
через вселенную
легла Мясницкая
миниатюрой кости слоновой.

Ясность.

Прозрачайшей ясностью пытка.

В Мясницкой

деталью искуснейшей выточки

кабель

тонюсенький -

ну, просто нитка!

И все

вот на этой вот держится ниточке.

Дуэль

Раз!

Трубку наводят.

Надежду

брось.

Два!

Как раз

остановилась,

не дрогнув,

между

моих

мольбой обволокнутых глаз.

Хочется крикнуть медлительной бабе:

- Чего задаетесь?

Стоите Дантесом.

Скорей,

скорей просверлите сквозь кабель

пулей

любого яда и веса.-

Страшнее пуль -

оттуда

сюда вот,

кухаркой оброненное между зевот,

проглоченным кроликом в брюхе удава

по кабелю,

вижу,

слово ползет.

Страшнее слов -

из древнейшей древности,

где самку клыком добывали люди еще,

ползло

из шнура -

скребущейся ревности

времен троглодитских тогдашнее чудище.

А может быть...

Наверное, может!

Никто в телефон не лез и не лезет,
нет никакой троглодичьей рожи.

Сам в телефоне.

Зеркалюсь в железе.

Возьми и пиши ему ВЦИК циркуляры!

Пойди - эту правильность с Эрфуртской
сверь!

Сквозь первое горе

бессмысленный,

ярый,

мозг поборов,

проскребается зверь.

Что может сделаться с человеком

Красивый вид.

Товарищи!

Взвесьте!

В Париж гастролировать едущий летом,

поэт,

почтенный сотрудник “Известий”,
царапает стул когтем из штиблета.

Вчера человек -

единым махом
клыками свой размедведил вид я!

Косматый.

Шерстью свисает рубаха.

Тоже туда ж!?

В телефоны бабахать!?

К своим пошел!

В моря ледовитые!

Размедвеженье

Медведем,

когда он смертельно сердится,
на телефон

грудь

на врага тяну.

А сердце

глубже уходит в рогатину!

Течет.

Ручьища красной меди.

Рычание и кровь.

Лакай, темнота!

Не знаю,

плачут ли,

нет медведи,

но если плачут,

то именно так.

То именно так:

без сочувственной фальши

скулят,

заливаясь ущельной длиной.

И именно так их медвежий Бальшин,

скуленьем разбужен, ворчит за стеной.

Вот так медведи именно могут:

недвижно,

задравши морду,

как те,

повыть,

извыться

и лечь в берлогу,

царапая логово в двадцать когтей.

Сорвался лист.

Обвал.

Беспокоит.

Винтовки-шишки

не грохнули б враз.

Ему лишь взмедведиться может такое

сквозь слезы и шерсть, бахромящую глаз.

*

Протекающая комната

Кровать.

Железки.

Барахло одеяло.

Лежит в железках.

Тихо.

Вяло.

Трепет пришел.

Пошел по железкам.

Простынь постельная треплется плеском.

Вода лизнула холодом ногу.

Откуда вода?

Почему много?

Сам наплакал.

Плакса.

Слякоть.

Неправда -

столько нельзя наплакать.

Чертова ванна!

Вода за диваном.

Под столом,

за шкафом вода.

С дивана,

сдвинут воды задеваньем,

в окно проплыл чемодан.

Камин...

Окурок...

Сам кинул.

Пойти потушить.

Петушится.

Страх.

Куда?

К какому такому камину?

Верста.

За верстою берег в кострах.

Размыло все,

даже запах капустный

с кухни

всегдашний,

приторно сладкий.

Река.

Вдали берега.

Как пусто!

Как ветер воеет вдогонку с Ладоги!

Река.

Большая река.

Холодина.

Рябит река.

Я в середине.

Белым медведем

взлез на льдину,

плыву на своей подушке-льдине.

Бегут берега,

за видом вид.

Подо мной подушки лед.

С Ладоги дует.

Вода бежит.

Летит подушка-плот.

Плыву.

Лихорадуюсь на льдине-подушке.

Одно ощущение водой не вымыто:

я должен

не то под кроватные дужки,

не то

под мостом проплыть под каким-то.

Были вот так же:

ветер да я.

Эта река!..

Не эта.

Иная.

Нет, не иная!

Было -

стоял.

Было - блестело.

Теперь вспоминаю.

Мысль растёт.

Не справлюсь я с нею.

Назад!

Вода не выпустит плот.

Видней и видней...

Ясней и яснее...

Теперь неизбежно...

Он будет!

Он вот!!!

Человек из-за 7-ми лет

Волны устои стальные моют.

Недвижный,

страшный,

упершись в бока

столицы,

в отчаянье созданной мною,

стоит

на своих стоэтажных быках.

Небо воздушными скрепами вышил.

Из вод феерией стали восстал.

Глаза подымаю выше,

выше...

Вон!

Вон -

опершись о перила моста...

Прости, Нева!

Не прощает,

гонит.

Сжался!

Не сжалился бешеный бег,

Он!

Он -

у небес в воспаленном фоне,

прикрученный мною, стоит человек.

Стоит.

Разметал изросшие волосы.

Я уши лаплю.

Напрасные мнешь!

Я слышу

мой,

мой собственный голос.

Мне лапы дырявит голоса нож.

Мой собственный голос -

он молит,

он просится:

- Владимир!

Остановись!

Не покинь!

Зачем ты тогда не позволил мне

броситься?

С размаху сердце разбить о быки?

Семь лет я стою.

Я смотрю в эти воды,

к перилам прикручен канатами строк.

Семь лет с меня глаз эти воды не сводят.

Когда ж,

когда ж избавления срок?

Ты, может, к ихней примазался касте?

Целуешь?

Ешь?

Отпускаешь брюшко?

Сам

в ихний быт,

в их семейное счастье

намереваешься пролезть петушком?!

Не думай! -

Рука наклоняется вниз его.

Грозится

сухой

в подмостную кручу.

- Не думай бежать!

Это я

вызвал.

Найду.

Загоню.

Доконую.

Замучу!

Там,

в городе,

праздник.

Я слышу гром его.

Так что ж!

Скажи, чтоб явились они.

Постановленье неси исполкомово.

Муку мою конфискуй,

отмени.

Пока

по этой

по Невской

по глуби

спаситель-любовь

не придет ко мне,

скитайся ж и ты,

и тебя не любят.

Греби!

Тони меж домовьих камней! -

Спасите!

Стой, подушка!

Напрасное тщенье.

Лапой гребу -

плохое весло.

Мост сжимается.

Невским течением

меня несло,

несло и несло.

Уже я далеко.

Я, может быть, за день.

За день

от тени моей с моста.

Но гром его голоса гонится сзади.

В погоне угроз паруса распластал.

- Забыть задумал невский блеск?!

Ее заменишь?!

Некем!

По гроб запомни переплеск,

плескавший в "Человеке".-

Начал кричать.

Разве это осилите?!

Буря басит -

не осилить вовек.

Спасите! Спасите! Спасите! Спасите!

Там

на мосту

на Неве

человек!

*

II

НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Фантастическая реальность

Бегут берега -

за видом вид.

Подо мной -

подушка-лед.

Ветром ладожским гребень завит.

Летит

льдышка-плот.

Спасите! - сигналю ракетой слов.

Падаю, качкой добитый.

Речка кончилась -

море росло.

Океан -

большой до обиды.

Спасите!

Спасите!..

Сто раз подряд

реву батареей пушечной.

Внизу

подо мной

растет квадрат,

остров растет подушечный.

Замирает, замирает,

замирает гул.

Глуше, глуше, глуше...

Никаких морей.

Я -

на снегу.

Кругом -

версты суши.

Суша - слово.

Снегами мокра.

Подкинут метельной банде я.

Что за земля?

Какой это край?

Грен-

лап-

люб-ландия?

Боль были

Из облака вызрела лунная дынка,

стену постепенно в тени оттеня.

Парк Петровский.

Бегу.

Ходынка

за мной.

Впереди Тверской простыня.

А-у-у-у!

К Садовой аж выкинул “у”!

Оглоблей

или машиной,

но только

мордой

аршин в снегу.

Пулей слова матерщины.

“От нэпа ослеп?!”

Для чего глаза впряжены?!

Эй,ты!

Мать твою разнэп!

Ряженный!”

Ах!

Да ведь

я медведь.

Недоразуменье!

Надо -

проходим,

что я не медведь,

только вышел похожим.

Спаситель

Вон

от заставы

идет человек.

За шагом шаг вырастает короткий.

Луна

голову вправила в венчик.

Я уговорю,

чтоб сейчас же,

чтоб в лодке.

Это - спаситель!

Вид Иисуса.

Спокойный и добрый,

венчанный в луне.

Он ближе.

Лицо молодое безусо.

Совсем не Исус.

Нежней.

Юней.

Он ближе стал,

он стал комсомольцем.

Без шапки и шубы.

Обмотки и френч.

То сложит руки,

будто молится.

То машет,

будто на митинге речь.

Вата снег.

Мальчишка шел по вате.

Вата в золоте -

чего уж пошловатей?!

Но такая грусть,

что стой

и грустью ранься!

Расплывайся в процыганенном романсе.

Романс

Мальчик шел, в закат глаза уставя.

Был закат непревзойдимо желт.

Даже снег желтел в Тверской заставе.

Ничего не видя, мальчик шел.

Шел,

вдруг

встал.

В шелк

рук

сталь.

С час закат смотрел, глаза уставя,

за мальчишкой легшую кайму.

Снег, хрустя, разламывал суставы.

Для чего?

Зачем?

Кому?

Был вором-ветром мальчишка обыскан.

Попала ветру мальчишки записка.

Стал ветер Петровскому парку звонить:

- Прощайте...

Кончаю...

Прошу не винить...

Ничего не поделаешь

До чего ж

на меня похож!

Ужас.

Но надо ж!

Дернулся к луже.

Залитую курточку стягивать стал.

Ну что ж, товарищ!

Тому еще хуже -

семь лет он вот в это же смотрит с моста.

Напялил еле -

другого калибра.

Никак не намылишься -

зубы стучат.

Шерстищу с лапищ и с мордищи выбрил.

Гляделся в льдину...

бритвой луча...

Почти,

почти такой же самый.

Бегу.

Мозги шевелят адресами.

Во-первых,

на Пресню,

туда,

по задворкам.

Тянет инстинктом семейная норка.

За мной

всероссийские,

теряясь точкой,

сын за сыном,

дочка за дочкой.

Всехные родители

- Володя!

На рождество!

Вот радость!

Радость-то во!.. -

Прихожая тьма.

Электричество комната.

Сразу -

наискось лица родни.

- Володя!

Господи!

Что это?

В чем это?

Ты в красном весь.

Покажи воротник!

- Не важно, мама,

дома вымою.

Теперь у меня раздолье -

вода.

Не в этом дело.

Родные!

Любимые!

Ведь вы меня любите?

Любите?

Да?

Так слушайте ж!

Тетя!

Сестры!

Мама!

Тушите елку!

Заприте дом!

Я вас поведу...

вы пойдете...

Мы прямо...

сейчас же...

все

возьмем и пойдём.

Не бойтесь -

это совсем недалеко -

600 с небольшим этих крохотных верст.

Мы будем там во мгновение ока.

Он ждет.

Мы вылезем прямо на мост.

- Володя,

родной,

успокойся! -

Но я им

на этот семейственный писк голосков:

- Так что ж?!

Любовь заменяете чаем?

Любовь заменяете штопкой носков?

Путешествие с мамой

Не вы -

не мама Альсандра Альсеевна.

Вселенная вся семьей засеяна.

Смотрите,

мачт корабельных щетина -

в Германию врезался Одера клин.

Слезайте, мама,

уже мы в Штеттине.

Сейчас,

мама,

несем в Берлин.

Сейчас летите, мотором урча, вы:

Париж,

Америка,

Бруклинский мост,

Сахара,

и здесь
с негритоской курчавой
лакает семейкой чай негритос.

Сомнете периной

и волю

и камень.

Коммуна -

и то завернется комом.

Столетия

жили своими домками

и нынче зажили своим домкомом!

Октябрь прогремел,

карающий,

судный.

Вы

под его огнеперым крылом

расставились,

разложили посудыны.

Паучьих волос не расчешешь колом.

Исчезни, дом,

родимое место!

Прощайте! -

Отбросил ступеней последок.

- Какое тому поможет семейство?!

Любовь цыплячья!

Любвишка наседок!

Пресненские миражи

Бегу и вижу -

всем в виду

кудринскими вышками

себе навстречу

сам

иду

с подарками под мышками.

Мачт крестами на буре распластан,

корабль кидает балласт за балластом.

Будь проклята,

опустошенная легкость!

Домами оскалила скалы далекость.

Ни люда, ни заставы нет.

Горят снега,

и голо.

И только из-за ставенек

в огне иголки елок.

Ногам вперекор,

тормозами на быстрые

вставали стены, окнами выстроясь.

По стеклам

тени

фигурками тира

вертелись в окне,

зазывали в квартиры.

С Невы не сводит глаз,

продрог,

стоит и ждет -

помогут.

За первый встречный за порог

закидываю ногу.

В передней пьяный проветривал бредни.

Стрезвел и дернул стремглав из передней.

Зал заливался минуты две:

- Медведь,
медведь,
медведь,
медв-е-е-е-е... -

Муж Феклы Давидовны со мной
и со всеми знакомыми

Потом,
извертясь вопросительным знаком,
хозяин полглаза просунул:

- Однако!

Маяковский!

Хорош медведь! -

Пошел хозяин любезностями медоветь:

- Пожалуйста!

Прошу-с.

Ничего -

я боком.

Нечаянная радость-с, как сказано у Блока.

Жена - Фекла Двидна.

Дочка,

точь-в-точь

в меня, видно -

семнадцать с половиной годочков.

А это...

Вы, кажется, знакомы?! -

Со страха к мышам ушедшие в норы,

из-под кровати полезли партнеры.

Усища -

к стеклам ламповым пыльники -

из-под столов пошли собутыльники.

Ползут с-под шкафа чтецы, почитатели.

Весь безлицый парад подсчитать ли?

Идут и идут процессией мирной.

Блестят из бород паутиной квартирной.

Все так и стоит столетья,

как было.

Не бьют -

и не тронулась быта кобыла.

Лишь вместо хранителей духов и фей

ангел-хранитель -

жилец в галифе.

Но самое страшное:

по росту,

по коже

одеждой,

сама походка моя! -

в одном

узнал -

близнецами похожи -

себя самого -

сам

я.

С матрацев,

вздыхая постельные тряпки,

клопы, приветствуя, подняли лапки.

Весь самовар рассиялся в лучики -

хочет обнять в самоварные ручки.

В точках от мух

веночки

с обоев

венчают голову сами собою.

Взыграли туш ангелочки-горнисты,

пророзовев из иконного глянца.

Исус,

приподняв

венок тернистый,

любезно кланяется.

Маркс,

впряженный в алую рамку,

и то тащил обывательства ляжку.

Запели птицы на каждой на жердочке,

герани в ноздри лезут из кадочек.

Как были

сидя сняты

на корточках,

радушно бабушки лезут из карточек.

Раскланялись все,

осклабились враз;

кто басом фразу,

кто в дискант

дьячком.

- С праздничком!

С праздничком!

С праздничком!

С праздничком!

нич-С праз-

ком! -

Хозяин

то тронет стул,

то дунет,

сам со скатерти крошки вымел.

- Да я не знал!..

Да я б накануне...

Да, я думаю, занят...

Дом...

Со своими...

*

Бессмысленные просьбы

Мои свои?!

Д-а-а-а -

это особы.

Их ведьма разве сыщет на венике!

Мои свои

с Енисея

да с Оби

идут сейчас,

следят четвереньки.

Какой мой дом?!

Сейчас с него.

Подушкой-льдом

плыл Невой -

мой дом

меж дамб

стал льдом,

и там...

Я брал слова

то самые вкрадчивые,

то страшно рыча,

то вызвоня лирово.

От выгод -

на вечную славу сворачивал,
молил,
грозил,
просил,
агитировал.

- Ведь это для всех...

для самих...

для вас же...

Ну, скажем, “Мистерия” -

ведь не для себя ж?!

Поэт там и прочее...

Ведь каждому важен...

Не только себе ж -

ведь не личная блажь...

Я, скажем, медведь, выражаясь грубо...

Но можно стихи...

Ведь сдирают шкуру?!

Подкладку из рифм поставишь -

и шуба!..

Потом у камина...

там кофе...

курят...

Дело пустяшно:

ну, минут на десять...

Но нужно сейчас,

пока не поздно...

Похлопать может...

Сказать -

надейся!..

Но чтоб теперь же...

чтоб это серьезно...-

Слушали, улыбаясь, именитого скомороха.

Катали по столу хлебные мякиши.

Слова об лоб

и в тарелку -

горохом.

Один расчувствовался,

вином размягший:

- Поооостой...

поооостой...

Очень даже и просто.

Я пойду!..

Говорят, он ждет...

на мосту...

Я знаю...

Это на углу Кузнецкого моста.

Пустите!

Ну-кося! -

По углам -

зуд:

- Наззз-ю-зззюкался!

Будет нить!

Поесть, попить,

попить, поесть -

и за бб!

Теорию к лешему!

Нэп -

практика.

Налей,

нарежь ему.

Футурист,

налягте-ка! -

Ничуть не смущаясь челюстей целостью,
пошли греметь о челюсть челюстью.

Шли

из артезианских прорв
меж рюмкой
слова поэтических споров.

В матрац,

поздоровавшись,
влезли клопы.

На вещи насела столетняя пыль.

А тот стоит -

в перила вбит.

Он ждет,

он верит:
скоро!

Я снова лбом,

я снова в быт
вбиваюсь слов напором.

Опять

атакую и вкривь и вкось.

Но странно:

слова проходят насквозь.

Необычайное

Стихает бас в комариные трельки.

Подбитые воздухом, стихли тарелки.

Обои,

стены

блекли...

блекли...

Тонули в серых тонах офортных.

Со стенки

на город разросшийся

Беклин

Москвой расставил “Остров мертвых”.

Давным-давно.

Подавно -

теперь.

И нету проще!

Вон

в лодке,

скутан саваном,
недвижный перевозчик.
Не то моря,
не то поля -
их шорох тишью стерт весь.

А за морями -
тополя
возносят в небо мертвость.

Что ж -
ступлю!

И сразу
тополи
сорвались с мест,
пошли,
затопали.

Тополи стали спокойствия мерами,
ночей сторожами,
милиционерами.

Расчетверившись,
белый Харон
стал колоннадой почтамтских колонн.

Деваться некуда

Так с топором влезают в сон,

обметят спящелобых -

и сразу

исчезает все,

и видишь только обух.

Так барабаны улиц

в сон

войдут,

и сразу вспомнится,

что вот тоска

и угол вон,

за ним

она -

виновница.

Прикрывши окна ладонью угла,

стекло за стеклом вытягивал с краю.

Вся жизнь

на карты окон легла.

Очко стекла -

и я проиграю.

Арап -

миражей шулер -

по окнам

разметил нагло веселия крап.

Колода стекла

торжеством яркоогним

сияет нагло у ночи из лап.

Как было раньше -

вырасти б,

стихом в окно влететь.

Нет,

никни к стенной сырости.

И стих

и дни не те.

Морозят камни.

Дрожь могил.

И редко ходят веники.

Плевками,

снявши башмаки,

вступаю на ступеньки.

Не молкнет в сердце боль никак,

кует к звену звено.

Вот так,

убив,

Раскольников

пришел звенеть в звонок.

Гостье идет по лестнице...

Ступеньки бросил -

стенкою.

Стараюсь в стенку вплеснуться

и слышу -

струны тенькают.

Быть может, села

вот так

невзначай она.

Лишь для гостей,

для широких масс.

А пальцы

сами

в пределе отчаянья

ведут бесшабашье, над горем глумясь.

Друзья

А вороны гости?!

Дверье крыло

раз сто по бокам коридора исхлопано.

Горлань горланья,

оранья орло

ко мне доплеталось пьяное допьяна.

Полоса

щели.

Голоса

еле:

“Аннушка -

ну и румянушка!”

Пироги...

Печка...

Шубу...

Помогает...

С плечика...

Сглушило слова уанстепным темпом,

и снова слова сквозь темп уанстепа:

“Что это вы так развеселились?

Разве?!”

Слились...

Опять полоса осветила фразу.

Слова непонятны -

особенно сразу.

Слова так

(не то чтоб со зла):

“Один тут сломал ногу,

так вот веселимся, чем бог послал,

танцуем себе понемногу”.

Да,

их голоса.

Знакомые выкрики.

Застыл в узнаванье,

расплющился, нем,

фразы крою по выкриков выкройке.

Да -

это они -

они обо мне.

Шелест.

Листают, наверное, ноты.

“Ногу, говорите?

Вот смешно-то!”

И снова

в тостах стаканы исчоканы,

и сыплют стеклянные искры из щек они.

И снова

пьяное:

”Ну и интересно!

Так, говорите, пополам и треснул?”

“Должен огорчить вас, как ни грустно,

не треснул, говорят,

а только хрустнул”.

И снова

хлопанье двери и карканье,

и снова танцы, полами исшарканные.

И снова

стен раскаленные степи

под ухом звенят и вздыхают в тустепе.

Только б не ты

Стою у стенки.

Я не я.

Пусть бредом жизнь смололась.

Но только б, только б не ея

невыносимый голос!

Я день,

я год обыденщине предал,

я сам задыхался от этого бреда.

Он

жизнь дымком квартирошным выел.

Звал:

решишь

с этажей

в мостовые!

Я бегал от зова разинутых окон,

любя убегал.

Пускай однобоко,

пусть лишь стихом,

лишь шагами ночными -
строчишь,
и становятся души строчными,
и любишь стихом,
а в прозе немею.

Ну вот, не могу сказать,
не умею.

Но где, любимая,
где, моя милая,

где

- в песке! -

любви моей изменил я?

Здесь

каждый звук,

чтоб признаться,

чтоб кликнуть.

А только из песни - ни слова не выкинуть.

Вбегу на трель,

на гаммы.

В упор глазами

в цель!

Гордясь двумя ногами,

Ни с места! - крикну.-

Цел! -

Скажу:

- Смотри,

даже здесь, дорогая,

стихами грома обыденщины жуть,

имя любимое оберегая,

тебя

в проклятьях моих

обхожу.

Приди,

разотзовись на стих.

Я, всех оббегав,- тут.

Теперь лишь ты могла б спасти.

Вставай!

Бежим к мосту! -

Быком на бойне

под удар

башку мою нагнул.

Сбору себя,

пойду туда.

Секунда -

и шагну.

*

Шагание стиха

Последняя самая эта секунда,

секунда эта

стала началом,

началом

невероятного гуда.

Весь север гудел.

Гудения мало.

По дрожи воздушной,

по колебанью

догадываюсь -

оно над Любанью.

По холоду,

по хлопанью дверью

догадываюсь -

оно над Тверью.

По шуму -

настежь окна раскинул -

догадываюсь -

кинулся к Клину.

Теперь грозой Разумовское залил.

На Николаевском теперь

на вокзале.

Всего дыхание одно,

а под ногой

ступени

пошли,

поплыли ходуном,

вздымаясь в невской пене.

Ужас дошел.

В мозгу уже весь.

Натягивая нервов строй,

разгуживаясь все и разгуживаясь,

взорвался,

пригвоздил:

- Стой!

Я пришел из-за семи лет,

из-за верст шести ста,

пришел приказать:

Нет!

Пришел повелеть:

Оставь!

Оставь!

Не надо

ни слова,

ни просьбы.

Что толку -

тебе

одному

удалось бы?!

Жду,

чтоб землей обезлюбленной

вместе,

чтоб всей

мировой

человечьей гущей.

Семь лет стою,
буду и двести
стоять пригвожденный
этого ждущий.

У лет на мосту
на презренье,
на смех,
земной любви искупителем значась,
должен стоять,
стою за всех,
за всех расплачусь,
за всех расплачусь.

Ротонда

Стены в тустепе ломались
на три,
на четверть тона ломались,
на сто...

Я, стариком,
на каком-то Монмартре

лезу -

стотысячный случай -

на стол.

Давно посетителям осточертело.

Знают заранее

все, как по нотам:

буду звать

(новое дело!)

куда-то идти,

спасать кого-то.

В извинение пьяной нагрузки

хозяин гостям объясняет:

- Русский! -

Женщины -

мяса и тряпок вязанки -

смеются,

стащить стараются

за ноги:

“Не пойдём.

Дудки!

Мы - проститутки”.

Быть Сены полосе б Невой!

Грядущих лет брызгой

хожу по мгле по Сеновой

всей нынчести изгой.

Саженный,

обсмеянный,

саженный,

битый,

в бульварах

ору через каски военщины;

- Под красное знамя!

Шагайте!

По быту!

Сквозь мозг мужчины!

Сквозь сердце женщины! -

Сегодня

гнали

в особенном раже.

Ну и жара же!

Полусмерть

Надо

немного обветрить лоб.

Пойду,

пойду, куда ни вело б.

Внизу свистят сержанты-трельщики.

Тело

с панели

уносят метельщики.

Рассвет.

Подымаюсь сенскою сенью,

синематографской серой тенью.

Вот -

гимназистом смотрел их

с парты -

мелькают сбоку Франции карты.

Воспоминаний последним током

тащился прощаться

к странам Востока.

Случайная станция

С разлету ованулся -

и стал,

и на мель.

Лохмотья мои зацепились штанами.

Ощупал -

скользко,

луковка точно.

Большое очень.

Испозолочено.

Под луковкой

колоколов завыванье.

Вечер зубцы стенные выкаймил.

На Иване я

Великом.

Вышки кремлевские пиками.

Московские окна

видятся еле.

Весело.

Елками зарождествели.

В ущелья кремлевы волна ударяла:

то песня,

то звона рождественский вал.

С семи холмов,

низвергаясь Дарьялом,

бросала Тереком

праздник

Москва.

Вздымается волос.

Лягушкою тужусь.

Боюсь -

оступлюсь на одну только пядь,

и этот

старый

рождественский ужас

меня

по Мясницкой закружит опять.

Повторение пройденного

Руки крестом,

крестом

на вершине,
ловлю равновесие,
страшно машу.
Густеет ночь,
не вижу в аршине.

Луна.

Подо мною
льдистый Машук.
Никак не справлюсь с моим равновесием,
как будто с Вербы -
руками картонными.

Заметят.

Отсюда виден весь я.

Смотрите -

Кавказ кишит Пинкертонами.

Заметили.

Всем сообщили сигналом.

Любимых,

друзей

человечьи ленты

со всей вселенной сигналом согнало.

Спешат рассчитаться,

идут дуэлянты.

Щетинясь,

щерясь

еще и еще там...

Плюют на ладони.

Ладонями сочными,

руками,

ветром,

нещадно,

без счета

в мочалку щеку истрепали пощечинами.

Пассажи -

перчаточных лавок початки,

дамы,

духи развевая паточные,

снимали,

в лицо швыряли перчатки,

швырялись в лицо магазины перчаточные.

Газеты,

журналы,

зря не глазейте!

На помощь летящим в морду вещам

ругней

за газетиной взвейся газетина.

Слухом в ухо!

Хватай, клевеца!

И так я калека в любовном боленье.

Для ваших оставьте помоев ушат.

Я вам не мешаю.

К чему оскорбленья!

Я только стих,

я только душа.

А снизу:

- Нет!

Ты враг наш столетний.

Один уж такой попался -

гусар!

Понюхай порох,

свинец пистолетный.

Рубаху враспашку!

Не празднуй труса! -

Последняя смерть

Хлеще ливня,
 грома бодрей,
бровь к брови,
 ровненько,
со всех винтовок,
 со всех батарей,
с каждого маузера и браунинга,
с сотни шагов,
 с десяти,
 с двух,
в упор -
 за зарядом заряд.
Станут, чтоб перевесть дух,
и снова свинцом сорят.
Конец ему!
 В сердце свинец!
Чтоб не было даже дрожи!
В конце концов -

всему конец.

Дрожи конец тоже.

То, что осталось

Окончилась бойня.

Веселье клокочет.

Смакуя детали, разлезлись шажком.

Лишь на Кремле

поэтовы клочья

сияли по ветру красным флажком.

Да небо

по-прежнему

лирикой звездится.

Глядит

в удивленье небесная звездь -

затрубадурила Большая Медведица.

Зачем?

В королевы поэтов пролезть?

Большая,

неси по векам-Араратам

сквозь небо потопа

ковчегом-ковшом!

С борта

звездолетом

медведьинским братом

горланю стихи мирозданию в шум,

Скоро!

Скоро!

Скоро!

В пространство!

Пристальной!

Солнце блестит горы.

Дни улыбаются с пристани.

*

ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ.....

Прошу вас, товарищ химик,

заполните сами!

Пристает ковчег.

Сюда лучами!

Пристань.

Эй!

Кидай канат ко мне!

И сейчас же

ощутил плечами

тяжесть подоконничьих камней.

Солнце

ночь потопа высушило жаром.

У окна

в жару встречаю день я.

Только с глобуса - гора Килиманджаро.

Только с карты африканской - Кения.

Голой головою глобус.

Я над глобусом

от горя горблюсь.

Мир

хотел бы

в этой груди горя

настоящие облапить груди-горы.

Чтобы с полюсов

по всем жильям

лаву раскатил, горящ и каменист,

так хотел бы разрыдаться я,

медведь-коммунист.

Столбовой отец мой

дворянин,

кожа на моих руках тонка.

Может,

я стихами выхлебаю дни,

и не увидав токарного станка.

Но дыханием моим,

сердцебиением,

голосом,

каждым острием вздыбленного в ужас

волоса,

дырами ноздрей,

гвоздями глаз,

зубом, исскрежещенным в звериный лязг,

ежью кожи,

гнева брови сборами,

триллионом пор,

дословно -

всеми порами

в осень,

в зиму,

в весну,

в лето,

в день,

в сон

не приемлю,

ненавижу это

все.

Все,

что в нас

ушедшим рабьим вбито,

все,

что мелочинным роем

оседало

и осело бытом

даже в нашем

краснофлагом строе.

Я не доставлю радости

видеть,

что сам от заряда стих.

За мной не скоро потянете

об упокой его душу таланте.

Меня

из-за угла

ножом можно.

Дантесам в мой не целить лоб.

Четырежды состарюсь - четырежды омоложенный,

до гроба добраться чтоб.

Где б ни умер,

умру поя.

В какой трущобе ни лягу,

знаю -

достоин лежать я

с легшими под красным флагом.

Но за что ни лечь -

смерть есть смерть.

Страшно - не любить,

ужас - не сметь.

За всех - пуля,

за всех - нож.

А мне когда?

А мне-то что ж?

В детстве, может,

на самом дне,

десять найду

сносных дней.

А то, что другим?!

Для меня б этого!

Этого нет.

Видите -

нет его!

Верить бы в загробь!

Легко прогулку пробную.

Стоит

только руку протянуть -

пуля

мигом

в жизнь загробную

начертит гремящий путь.

Что мне делать,
если я
вовсю,
всей сердечной мерою,
в жизнь сию,
сей
мир
верил,
верую.

Вера

Пусть во что хотите жданья удлинятся -
вижу ясно,
ясно до галлюцинаций.

До того,
что кажется -
вот только с этой рифмой
развяжись,
и вбежишь
по строчке

в изумительную жизнь.

Мне ли спрашивать -

да эта ли?

Да та ли?!

Вижу,

вижу ясно, до деталей.

Воздух в воздух,

будто камень в камень,

недоступная для тленов и прошений,

рассиявшись,

высится веками

мастерская человеческих воскрешений.

Вот он,

большелобый

тихий химик,

перед опытом наморщил лоб.

Книга -

”Вся земля”,-

выискивает имя.

Век двадцатый.

Воскресить кого б?

- Маяковский вот...

Поищем ярче лица -
недостаточно поэт красив.-

Крикну я

вот с этой,

с нынешней страницы:

- Не листай страницы!

Воскреси!

Надежда

Сердце мне вложи!

Кровищу -

до последних жил.

в череп мысль вдолби!

Я свое, земное, не дожил,

на земле

свое не долюбил.

Был я сажень ростом.

А на что мне сажень?

Для таких работ годна и тля.

Перышком скрипел я, в комнатенку всажен,

вплющился очками в комнатный футляр.

Что хотите, буду делать даром -

чистить,

мыть,

стеречь,

мотаться,

мести.

Я могу служить у вас

хотя б швейцаром.

Швейцары у вас есть?

Был я весел -

толк веселым есть ли,

если горе наше непролазно?

Нынче

обнажают зубы если,

только чтоб хватить,

чтоб

лязгнуть.

Мало ль что бывает -

тяжесть

или горе...

Позовите!

Пригодится шутка дурья.

Я шарадами гипербол,

аллегорий

буду развлекать,

стихами балагурия.

Я любил...

Не стоит в старом рыться.

Больно?

Пусть...

Живешь и болью дорожась.

Я зверье еще люблю -

у вас

зверинцы

есть?

Пустите к зверю в сторожа.

Я люблю зверье.

Увидишь собачонку -

тут у булочной одна -

сплошная плешь, -

из себя

и то готов достать печенку.

Мне не жалко, дорогая,

ешь!

Любовь

Может,

может быть,

когда-нибудь,

дорожкой зоологических аллей

и она -

она зверей любила -

тоже ступит в сад,

улыбаясь,

вот такая,

как на карточке в столе.

Она красивая -

ее, наверно, воскресят.

Ваш

тридцатый век

обгонит стаи

сердце раздиравших мелочей.

Нынче недолюбленное

наверстаем

звездностью бесчисленных ночей.

Воскреси

хотя б за то,

что я

поэтом

ждал тебя,

откинул будничную чушь!

Воскреси меня

хотя б за это!

Воскреси -

свое дожить хочу!

Чтоб не было любви - служанки

замужеств,

похоти,

хлебов.

Постели прокляв,
встав с лежанки,
чтоб всей вселенной шла любовь.

Чтоб день,
который горем старящ,
не христарадничать, моля.

Чтоб вся
на первый крик:
- Товарищ! -
оборачивалась земля.

Чтоб жить
не в жертву дома дырам.

Чтоб мог
в родне
отныне
стать

отец,
по крайней мере, миром,
землей, по крайней мере,- мать.

1923